ПАРАЛЛЕЛИ В РАЗВИТИИ КОНЦЕПЦИЙ “КУЛЬТУРНЫХ АРЕАЛОВ” И ХОЗЯЙСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИХ АРЕАЛОВ В 1920–1930-Е ГОДЫ

А.В. Тугорский

Андрей Владимирович Тугорский | <http://orcid.org/0000-0003-4651-4667> | tutorski@hist.msu.ru | к. и. н., доцент кафедры этнологии исторического факультета | Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы 1, Москва, 119991, Россия) | научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

культурные ареалы, хозяйственно культурные типы, этноэкология, культура и окружающая среда, история антропологии

Аннотация

В статье рассматривается развитие концепта “культурный ареал” (КА) в американской культурной антропологии и концепта “хозяйственно-культурный тип” (ХКТ) в советской этнографии в 1920–1930-е годы. Выделено три этапа развития концепций: 1) 1890–1910-е годы, в ходе которых концепции ареальных/территориальных исследований получили первичное оформление; ключевой работой этапа стала книга К. Уисслера “Американский индеец” (1917); 2) 1920-е годы – время теоретического обоснования концепций; 3) 1930-е годы, когда в советской этнографии обсуждение темы прекращается, а в США понятие “культурный ареал” подвергается критике А. Кребером за недостаток историзма. В статье выделяются особенности национальных школ: историзм в СССР и последовательный эмпиризм в США. Также указывается, что ряд положений концепций КА и ХКТ в довоенный период не получили достаточного освещения, например, соотношение экологического и культурного факторов.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-18-00241]

В первой трети XX в., по мнению Д. Стюарда, ход мысли в американской антропологии определяло понятие “культурный ареал” (далее – КА) (Steward 1972: 81; Аверкиева 1979: 117). А советские ученые считают, что вторая треть XX в. прошла под знаменем разработки концепции хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей (далее – ХКТ и ИЭО). Эту концепцию характеризуют как имеющую “стержневое значение для отечественной этнографической школы” (Алексеева, Арутюнов 2004: 350), как “наиболее значительный вклад советских ученых в теорию этнографической науки” (Решетов

Статья поступила 09.01.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 18.01.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Тугорский А.В. Параллели в развитии концепций “культурных ареалов” и “хозяйственно-технических ареалов” в 1920–1930-е годы // Этнографическое обозрение. 2024. № 2. С. 25–45. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020025> EDN: CLMAKE

Tutorskiy, A. V. 2024. Parallels in the development of the Culture-Area Concept and “Economic and Technical Areas” in the 1920s–1930s]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 25–45. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020025> EDN: CLMAKE

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

2004: 379), “приоритетное достижение советской этнографии” (Ямсков 2003: 68), “крупнейшее достижение <...> мирового значения” (Аникин, Соловей 2013: 28). Советские ученые открыто ссылаются на работы К. Уисслера (Левин 1946: 76; Левин, Чебоксаров 1955: 3, 7). При этом в других национальных традициях (французской, итальянской, немецкой середины XX в.) такой подход не получил широкого распространения. Задача настоящей статьи – изучить развитие концепций КА в американской культурной антропологии и ХКТ/ИЭО в советской этнографии, выявить их сходства и отличия.

Поскольку концепция ХКТ/ИЭО приобрела завершённый вид в статье М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова 1955 г. (Левин, Чебоксаров 1955), а концепция КА – в работе К. Уисслера 1917 г. (Wissler 1917), то можно предположить вторичный характер первой, о чем пишет С.В. Соколовский (Соколовский 2014: 178). Однако анализ публикаций показывает, что концепция ХКТ/ИЭО была скорее общими принципами, которые разделяли большинство советских и американских ученых уже в 1920-е годы, т.е. пребывала в таком “агрегатном состоянии”, которое трудно скопировать. При этом концепции характеризовались яркими особенностями, что демонстрирует, по всей вероятности, не полное согласие традиций, а дискуссию.

Работы, посвященные взаимосвязи концепций КА (1920–1930-е годы) и ХКТ/ИЭО (1950–1970-е годы), хорошо известны исследователям (Андрианов 1985; Решетов 2004; Ямсков 2023). Однако намного меньше известно, чем характеризовались 1920-е годы в советской этнографии (Соловей 2001; Арзютов и др. 2014; Алымов, Подрезова 2017). В своей статье я постараюсь продемонстрировать, какие процессы происходили в советской этнографии параллельно формированию школы КА в США, а также выявить взаимосвязи этих процессов.

Кризис идей эволюционизма в российской и американской науках (конец XIX в. – 1917 г.)

В 1890-е годы Э.Б. Тайлор посетил Москву. С ним встречался Д.Н. Анучин, вместе они гуляли по Кремлю, “беседовали... около часа, любуясь на соборы и на Замоскворечье при освещении их заходящим солнцем” (Анучин 1916: 14). После возвращения на родину Э.Б. Тайлор отправил коллеге отпечаток статьи об играх и написал, что хотел обратить “внимание на развиваемый в ней аргумент о необходимости различать независимое изобретение от миграции искусств и пр.” (Там же: 15). Д.Н. Анучин так комментирует этот отрывок в связи с появлением новых данных по этнографии: «Стали выясняться различные центры и области культур, различные пути развития цивилизации, различные способы культурного влияния и заимствования и т.д. ...теория “пережитков” тоже оказалась не всегда применимой» (Там же: 16).

Эволюционная теория, лежавшая в основе этнографического знания, и метод пережитков как ее основной рабочий инструмент оказывались бесполезны в новых условиях. Исправить положение можно было двумя способами: 1) с помощью детального изучения конкретных элементов культуры и нанесения на карту тех самых “областей культуры”, которые упоминал Д.Н. Анучин, и 2) разработкой теории, в рамках которой учитывались бы как возможности эволюционистских построений, так и новые данные о взаимоотношении культуры с окружающей средой. Причем речь шла не о замене диктата однолинейного развития

на географический детерминизм. Как полагал Д.Н. Анучин, лишь «некоторые “пережитки” получили более естественное объяснение в качестве заимствований» (Там же).

К первой задаче в самом начале XX в. обратились американские антропологи К. Уисслер и А.Л. Крёбер. Как пишет Ю.П. Аверкиева, “культурный ареал был первоначально методом систематизации фактического материала” (Аверкиева 1979: 108). Это очень важное замечание, поскольку во многих работах о культурных ареалах речь идет прежде всего не о теоретической альтернативе эволюционизму, а именно о первичном методе обработки музейных материалов. Можно сказать, что метод культурных ареалов в американской антропологии начала XX в. был альтернативой методу пережитков.

В статье “Типы индейской культуры в Калифорнии” А.Л. Крёбер пишет, что влияние природы он видит слабым объяснением особенностей развития:

По грубости культуры калифорнийские индейцы едва ли превосходят эскимосов; однако если неразвитость эскимосов часто закономерно объясняется их суровой и скудной средой обитания, индейцы Калифорнии, напротив, населяют страну по своей природе настолько благоприятную, какой она вообще может быть (Kroeber 1904: 81–82).

В статье есть скорее скепсис по поводу влияния природы, чем обоснование идеи географического POSSИБИЛИЗМА.

Автор констатирует тезис, который в дальнейшем ляжет в основу выделения культурных ареалов: “Атапаскские хупа по культуре почти идентичны неатапаскским юрок, а атапаскские като — самым северным из индейцев Калифорнии — помо” (Ibid.: 82). Если у двух народов, говорящих на различных языках, сформировались схожие культуры, можно утверждать, что решающее значение в этом процессе имеет не язык, который отражает историю народа, а нечто иное. Это иное — фактор окружающей среды (либо культурной, либо природной) оказывается более важным и, соответственно, на нем должны сосредоточить свое внимание исследователи-этнологи.

Далее автор методично анализирует различные аспекты индейской культуры и выделяет четыре культурных ареала. Выводы статьи скорее касаются вопросов картографирования и возможности проведения четких границ, нежели проблемы влияния окружающей среды на культуру. А.Л. Крёбер пишет: “Как и везде, между упомянутыми культурами нет абсолютных непреодолимых границ и лишь в некоторых местах границы четкие, так что ареалы, занимаемые каждой из них, не могут быть очерчены точно” (Ibid.: 101).

Вторая работа самого начала XX в. — это краткая полторастраничная заметка К. Уисслера “Этнические типы и изоляция” (1906). В ней речь идет о границах, выделенных зоологами и ботаниками, и возможности их использования в антропологии. Автор указывает на то, что к востоку от Скалистых гор существует намного меньше языковых семей, чем к западу. Таким образом, горный массив создает две территории, отличающиеся друг от друга по культурному развитию. Также примечательно, что в этой заметке К. Уисслер называет всю (sic!) Калифорнию, о которой писал А.Л. Крёбер, примером одного из ареалов (Wissler 1906: 148).

В отличие от А.Л. Крёбера, который только выделяет ареалы на карте, К. Уисслер эскизно обрисовывает механизм формирования КА: “Тот факт, что

так много языковых групп с одной и той же культурой встречается в одном и том же районе, вероятно, обусловлен миграцией, поскольку, если люди преодолевают барьеры культурной среды и выживают, они вскоре, подражая, перенимают привычки более раннего населения, таким образом принимая культуру ареала” (Ibid.: 148). В этом объяснении перед нами предстает в очень смутном и предвзвешенном виде механизм формирования ареала. Причем по данной фразе трудно определить, вследствие чего меняется культура людей, преодолевших барьеры: из-за изменения особенностей окружающей среды или же за счет влияния культурной среды нового ареала.

В российской науке исследование “территорий” (в первую очередь населенных украинцами) и выделение на них «антропологических и культурных “типов”» было характерно для работ петербургского этнографа и антрополога Ф.К. Волкова (*Альмов, Подрезова* 2017: 86). В рамках Комиссии по составлению этнографических карт России при ИРГО Ф.К. Волков в ходе дискуссии о принципах картографирования «настаивал на составлении карт по отдельным этнографическим признакам – “с нанесением на них границ известных типов построек, одежды, земледельческих орудий и проч.”» (Там же: 88). Рассуждая о ключевых признаках, Ф.К. Волков говорил о выделении в качестве таковых: “а) жилищ и прочих построек, б) одежды и с) орудий и приемов хозяйственного быта”, а также называл в этом ряду “карты d) антропологические и e) лингвистические” (*Волков* 1916: 193). (Отметим, что список признаков весьма схож с темами карт К. Уисслера.) С началом войны работа остановилась, однако наработанные материалы использовались Комиссией по изучению племенного состава народов России, а также Д.А. Золотаревым, Д.К. Зелениным, С.И. Руденко.

Безусловно, “вершиной” первого этапа, а по мнению ряда исследователей, и всего периода развития концепции “культурных ареалов” (*Преображенский* 1929: 29; *Левин, Чебоксаров* 1955: 7) становится книга К. Уисслера “Американский индеец” (1917). Автор последовательно наносит на карту пищевые и текстильные ареалы, распространение транспорта, керамики, архитектуры, обработки металла и камня, высокого искусства, развитие социальных групп и особенности мифологии. В 14 главе К. Уисслер представляет сводную карту КА Северной и Южной Америк, выделяя хорошо известные 15 ареалов (*Wissler* 1917: 205). Во второй части книги он приводит распространение археологических культур индейцев, биологических типов и лингвистических зон, а в главе “Корреляции классификаций” делает попытку совмещения всех видов ареалов. К. Уисслер наносит на карту десять культурных ареалов современных племен и подчеркивает, что “культурный ареал, отмеченный на карте, в основном является произвольной единицей, в ее границах имеется культурный центр, географическое положение которого совпадает с местами обитания наиболее типичных племен” (Ibid.: 242). Идея выделения “центров” в рамках ареалов созвучна идеям Д.Н. Анучина (*Анучин* 1916: 15), Н.И. Вавилова (*Вавилов* 1926) и Д.К. Зеленина (*Зеленин* 1929: 23).

К. Уисслер использует понятие центра для выявления корреляции археологических и этнографических ареалов. Он отмечает, что “исторические (т.е. относящиеся к периоду письменных источников, письменной истории. – А.Т.) и археологические районы по сути схожи” (*Wissler* 1917: 328). Ключевым критерием совпадения является именно то, что “центры” остаются в рамках этих зон (Ibid.: 329). Большая часть несовпадений границ археологических и культурных

ареалов связана с территориями распространения развитых мезоамериканских цивилизаций. К. Уисслер просто констатирует этот факт. Но объяснение можно найти у советских ученых (В.Н. Чернецов, Г.Е. Марков) второй половины XX в.: на определенном этапе развития роль энвайрментального фактора падает и культурные тренды полностью изменяют естественные границы ареалов (Туторский 2023: 193).

Подведем итоги начального этапа разработки проблемы культурных ареалов. Во-первых, ареалы воспринимаются прежде всего как метод организации этнографического материала, делающий его сравнимым с археологическими, лингвистическими и соматическими (физантропологическими) данными. Неслучайно для обоих авторов важен вопрос о возможности проведения границ. К примеру, К. Уисслер пишет: “На самом деле эти границы являются лишь схематическими, служащими для обозначения мест точек, где культура находится на середине пути между культурами соседних центров” (Wissler 1917: 243). Во-вторых, обоим авторам (и А.Л. Крёберу, и К. Уисслеру) все-таки удается провести границы ареалов. Работа К. Уисслера, охватывающая оба американских континента, безусловно, остается научным памятником, достойным восхищения. Именно К. Уисслер, благодаря масштабности исследования, смог прийти к двум заключениям, которые легли в основу ключевых направлений развития концепции ареалов культуры в межвоенный период. Он выделяет в качестве “определяющ[его] фактор[а] в формировании... географических типов” окружающую среду (Ibid.: 337–341). При этом в случае с “высокой культурой” естественные границы меняются сильнее. Ключевой теоретической проблемой К. Уисслер считает выделение “комплекса черт” (*trait complex*), чем противопоставляет свой подход как эволюционизму, так и диффузионизму, имеющим дело с отдельными элементами культуры. Именно концептуализацию комплексности мы увидим в 1920-е годы как у самого К. Уисслера, так и у его советских коллег.

В заключение отмечу, что работы этого периода в значительной степени были “пробными” и несли в себе множество недостатков. Так, М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров писали, что ареалы К. Уисслера “определены им недостаточно четко: с одной стороны, это, бесспорно, ХКТ, с другой же стороны, некоторые из этих ареалов представляют собой не столько ХКТ, сколько историко-культурную область” (Левин, Чебоксаров 1955: 7). Американский антрополог Д.П. Мердок, в 1951 г. пересмотревший районирование Южной Америки, писал о книге К. Уисслера, что это была “предварительная и импрессионистическая классификация” (Murdock 1951: 415). А А.Л. Крёбер едко замечал по поводу карты индейских племен: “Она, однако, не определяла границ, и кажущаяся территория, приписываемая какой-либо группе, иногда зависела от количества букв в ее названии, а не от ее фактических географических пределов” (Kroeber 1939: 8).

Формирование концепции “культурных ареалов” (1920-е годы)

Проблематика КА затрагивалась и дополнялась К. Уисслером в его публикациях “Человек и культура” (Wissler 1923) и “Отношение природы к человеку у аборигенов Северной Америки” (Wissler 1926). В 1927 г. К. Уисслер выпустил статью, в которой он концептуализировал это понятие; текст начинается тезисом:

Термин “социальная антропология” становится все популярнее, поскольку он в гораздо большей степени, чем любое другое используемое понятие, указывает на группу исследований, которые делают культуру своей главной целью и различают социальные и биологические цели в человеческих проблемах. ...если социальная антропология и внесет свой вклад, то это будет потому, что ее сторонниками разработаны определенные идеи, сформулированные в виде концепций, внушающие надежду на их научную значимость (*promising general validity*). Культурный ареал является одним из таких понятий (*Wissler 1927: 882*).

Примечательно, что “культурный ареал” — не столько устоявшееся научное понятие, сколько “внушающая надежду” идея. Здесь важен телеологический, а не результирующий характер понятия.

Далее К. Уисслер пишет: “Невозможно читать антропологические исследования, не приходя к мысли, что они основаны на *вере* (курсив мой. — *А.Т.*) в региональные различия в социальном поведении и в то, что социальная эволюция сама по себе обладает региональными особенностями” (*Ibid.: 882*). Здесь перед нами достаточно отчетливо сформулирована мысль о многолинейности эволюции.

К. Уисслер так описывает процесс интуитивного движения от понятия “племени” к понятию КА: “...задача заключается в том, чтобы сначала изучить культуру исходного племени, а затем обнаружить, какие другие племена имеют такую же связку (*mesh*) культурных черт” (*Ibid.: 883–884*). Вновь мы видим, что ареал для К. Уисслера — это *связка* культурных черт. Само понятие “ареал” имеет два аспекта: с одной стороны, “географический” — некую сущность, отличающую конкретный ареал от других подобных, с другой — комплексный, поскольку каждый ареал отличает характерное только для него внутреннее постоянство устойчивых черт культуры и их связанность. Именно взаимосвязанность — регулярность встречаемости определенной “связки” черт — позволяет выделять ареал, отличать его от соседних. Это две стороны одной медали, которые невозможно разделить, однако исследователи часто обращают внимание лишь на географическую дифференциацию, упуская комплексность различий.

К. Уисслер выделяет ключевые особенности этих “связок”. Во-первых, он указывает на важность окружающей среды. Когда исследовательская оптика смещалась с религии и социальной организации на

домашние вещи, [такие] как жилище и добывание пищи, окружающую среду нельзя было игнорировать, некоторые антропологи даже зашли настолько далеко, что заявили, что одна из важнейших конкретных проблем в исследованиях культурных ареалов состоит в том, чтобы показать, как туземцы использовали доступные природные ресурсы (*Wissler 1927: 884*).

Мнение “некоторых антропологов” отражает, на мой взгляд, догадку К. Уисслера о важности окружающей среды, которую он, впрочем, не смог высказать от первого лица и реализовать в тексте своей работы, за что его упрекал А.Л. Крёбер (*Kroeber 1939: 6*). Наконец, К. Уисслер выделяет три ключевых аспекта понятия КА: оно “может быть сформулировано (а) в терминах географии; (б) по составляющим (культуру. — *А.Т.*) племенным группам; и (в) в совпадающих отноше-

ниях признаков независимо от племенных единиц” (*Wissler* 1927: 885). Акцент делается на географическом распределении черт, а также на проблеме “единицы”, или объекте антропологического исследования. Итак, круг вопросов, группирующихся вокруг понятия КА, увязывается К. Уисслером с новым вектором развития антропологии – естественнонаучным.

Во-вторых, попытка скрыть свои новации за оборотами “некоторые антропологи” показывает, что концепция воспринималась научным сообществом неоднозначно. Она, очевидно, не была мейнстримом того времени. В-третьих, наиболее конкретные теоретические тезисы связаны с устойчивостью “связки культурных черт”, а не с влиянием окружающей среды или способами проведения границ ареалов.

Подходы к исследованию культурных областей в советской этнографии 1920-х годов

Обратимся к идеям, которые высказывались в это же время в советской этнографической науке. В работе “Этнография” (1928) П.Ф. Преображенский вслед за Д.Н. Анучиным (*Анучин* 1916: 15) использует понятие “культурная область”. Автор отмечает необходимость «обратить особое внимание на монографическую разработку отдельных “культурных областей” (*cultural areas*), на определение их границ и особенностей» (*Преображенский* 1928: 80). Отрывок интересен по нескольким причинам. Во-первых, хотя в большинстве своих работ П.Ф. Преображенский ссылается на немецких исследователей, в качестве перспективного понятия он приводит *cultural areas* – понятие, принятое в американской науке. Важно, что это словосочетание не использовалось ни А.Л. Крёбером, ни К. Уисслером: они писали о *culture area* (об ареалах культуры, а не ареалах отдельных элементов культуры). Во-вторых, в статье П.Ф. Преображенского “культурная область”, как и в работе К. Уисслера *culture area*, выступает не как хорошо проработанное и широко используемое, а как перспективное понятие. В-третьих, словосочетание “монографическая разработка” понятия “культурные ареалы” позволяет предположить, что речь здесь идет о книге К. Уисслера “Американский индеец”.

Доклад П.Ф. Преображенского, положенный в основу статьи, был сделан на втором Совещании этнологов Центрально-Промышленной области (ЦПО). К нему же Д.К. Зелениным был подготовлен доклад “Перспективный план работ по этнографическому изучению ЦПО”. В нем ставятся «два актуальных вопроса, которые выдвинула “западно-европейская и американская (курсив мой. – А.Т.) этнология”»: (1) “вопрос о конвергентности, т.е. о независимом параллельном открытии и развитии известных явлений в разных странах...”, а также (2) “вопрос о культурных районах (*Kulturkreis*) и о культурных центрах” (*Зеленин* 1929: 23). Примечательно, что логика текста Д.К. Зеленина напоминает теоретические построения Д.Н. Анучина и П.Ф. Преображенского, но термин дается на немецком языке, а не на английском, хотя “американская этнология” упоминается.

План исследований ЦПО включает картографирование семи параметров: 1) техники гончарства, 2) обработки мехов, 3) плетения обуви, 4) способов молотбы, 5) ручного веяния зерна, 6) видов сооружений для сушки снопов и 7) “сравнительную древность появления и распространения культуры льна и конопли” (*Зе-*

ленин 1929: 24–27). Очевидно, что схема картографирования похожа на алгоритм действий К. Уисслера, включая оговорку: “целый ряд иных элементов материальной культуры, например, обработка металлов, не могут быть пока картографированы” (Там же: 27). Иными словами, даже если не все типы картографированных явлений у Д.К. Зеленина и К. Уисслера (у последнего это называлось “обработка металла и камня”) совпадают, общая логика рассуждений схожа.

Есть и отличия. Во-первых, это внимание к действиям человека, а именно к конкретным техникам, а не к “искусству” или “орнаменту” в целом. Так, К. Уисслер исследует “распространение керамического искусства”, а Д.К. Зеленин “технику гончарства”, подразумевая особенности техники “налепа”, К. Уисслер пишет о “текстильных ареалах”, а Д.К. Зеленин о “техниках плетения обуви (лаптей)”. Возможно, это различие связано с особенностями советских этнографических материалов, имеющих более фрагментарный характер по сравнению с американскими.

Во-вторых, Д.К. Зеленин мыслит исторически, даже задаваясь целью нанести на карту ареалы:

Если собрать точные данные о географическом распространении всех этих разновидностей налепного гончарства у всех народностей нашего обширного Союза и сопоставить этот совершенно новый научный материал с имеющимися уже в научной этнографии о налепном гончарстве прочих народов земного шара данными, то загадочный вопрос о происхождении гончарства, безусловно, приблизится к разрешению (Там же: 25).

Сравнивая план Д.К. Зеленина с логикой монографии К. Уисслера, можно отметить, что и там и там внимание к “культурным районам” — это лишь один шаг на долгом пути. При этом некоторых конкретных вопросов, например о самой возможности проведения границ, которые важны для К. Уисслера, советский ученый просто не замечает.

Наконец, Д.К. Зеленин предлагает исследование ареалов распространения технических растений — новый элемент в картографировании элементов культуры, взятый, вероятно, из построений советского ботаника Н.И. Вавилова (*Вавилов* 1926). Этого вопроса нет в опубликованных в 1920-е годы работах К. Уисслера, однако он появится в конце 1930-х годов в работах А.Л. Крёбера. Именно этот пункт отличает “план” Д.К. Зеленина 1927 г. от его же программы 1914 г. (*Альмов, Подрезова* 2017: 90).

Однако в целом статьи П.Ф. Преображенского и Д.К. Зеленина в большей степени похожи на статьи К. Уисслера и А.Л. Крёбера предшествующего периода. При этом очевидно, что теоретическая проработка концепции у советских ученых гораздо глубже. Это можно хорошо продемонстрировать на примере рассуждений П.Ф. Преображенского.

В “Курсе этнологии” ученый дает подробный разбор концепций зарубежных ученых и определяет перспективные направления развития этнографической науки. Он пишет, что гребнеровское понятие “меланезийского культурного круга” включает в себя “земледелие, которое ведется женщинами, деление племени на две фратрии, особого рода лук, свайные постройки и т.д.” (*Преображенский* 1929: 25). Отмечу, что и “культурный круг” по Ф. Гребнеру — это комплекс культурных черт, а не только ареал их распространения. Однако основной недо-

статок понятия П.Ф. Преображенский видит в том, что “эти признаки должны иметь между собой внутреннюю координацию, внутреннее объединение, а этого у Гребнера как раз и не имеется” (Там же).

Преодоление этого недостатка возможно, если “все эти явления культурной жизни вывести из какого-либо определенного хозяйственного и технического признака. Эта методологическая сторона до сих пор сравнительно слаба в работах культурно-исторической школы” (Там же). В этом высказывании важно, что хозяйственная деятельность признается основой формирования культурного комплекса, тем, что может связать воедино элементы материальной и духовной культуры. С одной стороны, здесь можно увидеть марксистский подход к культуре (Арзютов и др. 2014: 103), которая зависит от хозяйственной деятельности. С другой – бóльшую четкость в теоретических построениях, нежели в обтекаемых заявлениях К. Уисслера о “некоторых антропологах”.

Важно отметить, что в исследованиях подобного рода в качестве ориентиров П.Ф. Преображенский рекомендовал брать примеры, которые дали «Лео Фробениус в своем “Африканском атласе”, а также целый ряд американских этнологов, таких как, например, Вислер (Уисслер. – А.Т.) в своей книге “Американский индеец”». Однако П.Ф. Преображенский указывал и на необходимость следующего шага: “Если дать несколько таких картографических зарисовок за разные промежутки времени, то можно составить представление о развитии движения культур” (Преображенский 1929: 29). Таким образом, он не просто следовал идеям немецких и американских ученых, но и дополнял их. Причем, как и в работе Д.К. Зеленина, в книге П.Ф. Преображенского историзм был ключевым добавляемым элементом.

В послесловии исследователь впервые упоминает понятие “техническо-хозяйственной площади или ареала” (далее – ТХА), которое должно было стать выражением проявления конкретной формы культуры, привязанной к определенным периоду и природной среде. П.Ф. Преображенский видел в этом понятии точку соприкосновения исследований культуры и марксистского учения о социально-экономических формациях (Там же: 213).

Вторым известным советским ученым, которого совершенно справедливо относят к предшественникам авторов идеи ХКТ и ИЭО, является В.Г. Богораз (Андрианов 1985: 18; Ямсков 2023: 30). В книге “Распространение культуры на земле. Основы этногеографии” он пишет: “...зоне тундр должна предшествовать зона полярного побережья, заселенного *охотниками на морского зверя* (курсив мой. – А.Т.)” (Богораз-Тан 1928: 119). Отмеченное курсивом словосочетание буквально совпадает с ХКТ, позже выделяемым советскими учеными (Левин, Чебоксаров 1955: 5; Андрианов 1985: 23).

Далее в тексте В.Г. Богораз использует понятие “культура” для обозначения особенностей человеческого существования в рамках определенной климатической зоны. Каждая культура включает в себя “варианты”:

Созданная ими (жителями полярной зоны. – А.Т.) культура имеет четыре варианта. На юге у самого края лесов – сухопутные охотники, по устьям больших рек – речные рыболовы; на тундре до самого моря в Евразии – олениводы, в Америке – весьма скудные племена тундренных звероловов и рыболовов; по берегу морскому... – охотники за морским зверем (Богораз-Тан 1928: 122).

Отметим, что автор четко представляет КА Северной Америки и их отличие от “вариантов” культуры в Сибири (отсутствие там оленеводства), однако прямые ссылки на работы американских ученых отсутствуют.

Вынеся понятие “этногеография” в заглавие работы, В.Г. Богораз тем не менее сохраняет историзм мышления. Например, про прибрежных собирателей он пишет: «Таковыми морскими собирателями являлись в раннем палеолите обитатели “кьеккен-меддингов”, кухонных куч на датском побережье» (Там же: 120).

Дискуссия 1929 г. и проблема ТХА

Для понимания значения понятия ТХА и его взаимосвязи с идеями В.Г. Богораза необходимо обратиться к дискуссии на Совещании этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. Концепт ТХА П.Ф. Преображенский представил в своем докладе “Этнология и ее методы” как понятие, которое должно заменить “этнос”, с одной стороны, и “культурный круг” Ф. Гребнера – с другой. П.Ф. Преображенский указывал: «Мне представляется понятие “культурный круг”, тем более что он (видимо, Ф. Гребнер. – *А.Т.*) развивал старое, привычное нам понятие “этнос” – народ, крайне неплодотворным. Здесь можно было бы внести в нашу науку новое понятие... технически-хозяйственного ареала-площади» (*Арзютов и др.* 2014: 104–105).

Этот отрывок из доклада достаточно сложен для комментирования, поскольку здесь есть не объясненное подробно сопоставление трех важных понятий: “этнос”, “культурный круг” и ТХА. Каждое из них имеет множество значений. Понятие ТХА выдвигается как ключевое П.Ф. Преображенским, представлявшим московскую делегацию и делавшим основной доклад на совещании. Иными словами, это попытка определения объекта этнологической науки вообще. Если ученый исходит из того, что ТХА – это один из вариантов “культурного круга”, то отличие между понятиями он видит в привязанности ТХА к производству – как раз в рамках марксистского подхода к этнографии.

Очень показательна реакция на доклад о ТХА В.Г. Богораза. Возражая П.Ф. Преображенскому, он обращается к примеру огнеземельцев: “Они представляют собой народ, по-видимому, переселившийся... в... очень узкую область Южных островов с холодным климатом, где для развития культуры не было места, не было того самого хозяйственно-технического ареала (курсив мой. – *А.Т.*), о котором говорил докладчик” (Там же: 115–116). На мой взгляд, в этой цитате В.Г. Богораза видно его представление о ТХА как об объективно существующей природной или экологической нише, в рамках которой формируются определенные варианты культур. В отличие от POSSIBILITISTских взглядов К. Уисслера и П.Ф. Преображенского, взгляды В.Г. Богораза ближе к географическому детерминизму. По-другому объяснить его высказывание о том, что огнеземельцы есть, а ТХА – нет, очень сложно. При этом В.Г. Богораз в целом одобряет понятие ТХА: “Что касается технического ареала... то это, конечно, не ново, ...поскольку это производится в разных частях этнографии. Вы производите это в Москве, а мы – здесь” (Там же: 117). Иными словами, в общем ученый принимал понятие ТХА; признавая особенности своего подхода, он констатировал, что в Ленинграде ученые занимаются схожими сюжетами.

Еще более интересны реплики других участников прений. Так, В.К. Никольский указывал, что “предложение П.Ф. о технически-хозяйственном ареале яв-

ляется совершенно ненужным, потому что оно, в конце концов, есть марксистско-образная перелицовка культурного круга Гребнера”. Он предлагал вместо ТХА употреблять понятие “культурный комплекс”: “Если мы возьмем культурный комплекс в целом, то здесь переход к марксизму будет очень легким, потому что, в сущности, говоря с марксистской точки зрения, это есть конкретное общество, являющееся вариантом той или иной экономической формации” (Там же). Фактически в этой цитате проявляется две идеи. Во-первых, понятие ТХА П.Ф. Преображенского и “культурный комплекс” В.К. Никольского очень похожи, и спор переходит к обсуждению того, чей неологизм более удачен. Во-вторых, в целом дискуссия направлена на поиск конкретной единицы этнологического анализа в рамках нового марксистского подхода. Именно с этого ракурса ТХА, “этнос”, “культурный круг”, “культурный комплекс” оказываются взаимозаменяемыми.

Здесь нельзя не упомянуть еще два понятия, которые появились примерно в 1920-е годы: “этническая формация” Б.А. Куфтина (Там же: 268–272) и “этнографическая формация” Е.Г. Кагарова. Последний пишет в статье “Пределы этнографии”: “Исследование этнографических формаций и их распределения по земле, изучение их культур, их экономических и психических компонентов и взаимоотношений между культурными ареалами – составляет первую задачу этнографии” (Кагаров 1928: 20). Этнографическая формация – это устойчивое сочетание культурных черт, которое имеет определенный ареал распространения. Иными словами, “этнографическая формация” Е.Г. Кагарова – это нечто, напоминающее “культурный комплекс” В.К. Никольского, ТХА П.Ф. Преображенского, а также и “связку культурных черт” К. Уисслера, и *diaitae* А.Л. Крёбера (Kroeber 1939: 2) (см. ниже), причем автор отдельно обращает внимание на географическое распространение.

Наконец, следует упомянуть выступления С.П. Толстова и М.Г. Левина в прениях по докладу П.Ф. Преображенского. С.П. Толстов, охарактеризовав доклад как «колоссальный шаг вперед в смысле уточнения самого понятия “этнология”», отметил две вещи. Во-первых, он указал, что понятие ТХА П.Ф. Преображенского – это “поняти[е] культурного круга, поставленного на материалистическую базу”. Во-вторых, он предложил прочнее связать понятие ТХА с марксистским понятием формации и назвать его “социально-экономическим ареалом” (Арзютов и др. 2014: 123). Выступление М.Г. Левина для нас представляет интерес, поскольку именно он будет одним из авторов классической концепции ХКТ/ИЭО 1955 г. Ни в одной из своих работ он не ссылаясь на П.Ф. Преображенского, однако в своем выступлении на совещании он соглашается с общей логикой его выступления (Там же: 127–128).

Совещание может считаться одной из вех, которые отделили плюралистическую советскую этнографию 1920-х годов от новой марксистской этнографии следующего десятилетия (Соловей 2001: 118–119). Несмотря на это, многие авторы не отказались полностью от своих идей (Толстов 1932: 31–33).

Развитие концепций в 1930-е годы

Американской науке 1930-е годы принесли новый этап осмысления концепции КА. Автором, который сделал очередной шаг в этом направлении, стал А.Л. Крёбер. Еще в статье 1931 г. А.Л. Крёбер описал концепцию К. Уисслера та-

ким образом, что это стало ее переоценкой (*Kroeber* 1931). В качестве основополагающих понятий он рассматривает не только КА, но и “временной ареал” (*age area*): “...концепция подразумевает культурный центр как локус высшей производительности” (*Ibid.*: 254), из которого культура распространяется по окружающим местностям. Таким образом, перед нами, с одной стороны, развитие идеи о центре ареала, с другой – историзация концепции. Чуть ниже А.Л. Крёбер пишет, что сам является последователем идей К. Уисслера: “Метод временных ареалов, в принципе, принят Крёбером, но применяется более осторожно” (*Ibid.*: 257). А.Л. Крёбер весьма точно характеризует вклад К. Уисслера: “Уисслер индуктивен. Рассматриваемые культурные области по своей природе являются эмпирическими” (*Ibid.*: 266). Важно, что К. Уисслер, в отличие от большинства европейских коллег, шел от частного к общему, обобщая музейные коллекции. Пожалуй, именно последовательную эмпиричность можно считать его основным вкладом в развитие исследований КА.

Наиболее последовательно нововведения А.Л. Крёбера, привнесенные им в концепцию КА, проявляются в монографии “Культурные и природные ареалы туземной Северной Америки” (*Kroeber* 1939). Во вводной части он делает три важных заявления:

1. «Термин “культурный ареал” используется потому, что он уже устоялся. Это неудачное обозначение, поскольку оно делает упор на территорию, тогда как понятие в первую очередь подразумевает культурное содержание» (*Ibid.*: 2). Итак, перед нами критика излишней географизированности понятия КА и указание на то, что за ним надо прежде всего видеть культурное содержание. В подстрочной сноске А.Л. Крёбер продолжает: «“*Diaita*” (видимо, изначально *δίαιτα*. – А.Т.) была предложена мне Д.Л. Майресом как этимологически адекватный термин для обозначения культурного целого или сущностно связанной культурной массы, соответствующей “биоте” биологов. Было бы полезно, если бы его приняли» (*Ibid.*: 2, сн. 1). Слово “диета”, означающее исторически сложившийся образ жизни (греч. *δίαιτα* – “образ жизни”), однако вошедшее в европейские языки как обозначение устоявшегося рациона питания, казалось А.Л. Крёберу более точным термином. Это новое понятие мы можем добавить в приводившийся выше ряд терминов – от “этноса” до “этнической формации”.

2. А.Л. Крёбер пишет, что, несмотря на изначально правильный посыл – учитывать влияние энвайрментального фактора, К. Уисслер мало сделал в этом отношении:

Далее... общих здравых принципов Уисслер не идет. В своей книге “Американский индеец” он перечисляет некоторые наводящие на размышления грубые соответствия между контурами рельефа и языковыми или культурными группами. Его более поздняя работа “Отношение природы к человеку у аборигенов Северной Америки” (1926) посвящена пространственному распределению культурных черт и комплексов. Природа... не участвует в споре, за исключением последнего раздела последней главы (*Ibid.*: 6).

Постулируя необходимость изучения влияния окружающей среды на культуру, К. Уисслер так и не смог сделать решительный шаг вперед.

Его делает А.Л. Крёбер, выделяя ареалы растительности (*vegetation areas*). Он пишет, что именно через флору можно последовательно проследить влияние природы:

...культура посредством жилищ и огня позволяет даже самым отсталым народам приспособиться к проживанию почти в любом климате и местности, однако она не позволяет настолько последовательно контролировать, даже посредством сельского хозяйства, окружающую растительность, которая непосредственно или косвенно лежит в основе почти всех аспектов жизнеобеспечения (Ibid.: 13).

А.Л. Крёбер выделяет три причины особого внимания к ареалам растительности: 1) они отражают различные аспекты влияния климата; 2) создают условия для формирования фауны и 3) “ как и культурные ареалы, [они] строго эмпиричны, а не составлены по какой-либо предвзятой схеме главенства того или иного фактора” (Ibid.: 14).

Выделение ареалов растительности стало важным шагом к последовательному и обоснованному анализу влияния окружающей среды на формы культуры. И здесь нельзя не отметить, что разработкой “центров доместикации” как раз в это время занимался советский ученый Н.И. Вавилов. Вопрос о возможном влиянии разработок Н.И. Вавилова на схему А.Л. Крёбера в данной статье не ставится, однако с большой долей вероятности можно предположить, что оно было. Например, в 1928 г. в журнале *American Anthropologist* вышла рецензия Р. Лоуи на книгу Н.И. Вавилова “Центры происхождения культурных растений”. Автор рецензии призывал антропологов обратить внимание на этот труд (Lowie 1928).

З. А.Л. Крёбер признает, что К. Уисслер не смог дать концепции КА исторического наполнения: “Классификация культурных ареалов остается почти статичной. <...> Этнологи обычно имеют дело с данными, мало привязанными к временной шкале... Однако у них появился пространственный заменитель: культурный центр или район наибольшей культурной продуктивности и разнообразия” (Kroeber 1939: 4–5). Эта цитата меняет представления об авторстве исторического поворота концепции КА. А.Л. Крёбер отмечает как важную особенность материалов Нового Света, что этнографические данные были плохо привязаны к хронологической шкале. Это существенно отличало их от материалов Европы и Азии, где археологические раскопки позволяли хотя бы примерно понимать пути развития европейских культур (вспомним кьеккенмеддинги В.Г. Богораза). Иными словами, крен в географизацию КА мог быть не столько связан с теоретическими взглядами К. Уисслера, сколько с особенностями местных этнографических источников.

А.Л. Крёбер пишет: «Не имея методологической возможности говорить о времени расцвета той или иной культуры, антропологи используют понятие “центр ареала”, чтобы таким образом обозначить интенсивность культуры» (Ibid.: 5). Здесь важно, что понятие “центр”, используемое К. Уисслером, отрывается от понятия “временной ареал”. Связка, которая в предыдущей статье приписывалась А.Л. Крёбером К. Уисслеру, теперь развивается им самостоятельно.

Монография А.Л. Крёбера стала «вершиной и итогом исследования “культурных ареалов”» (Николаев 2004: 957) и одновременно переходным пунктом к проблематике экологической антропологии. Эта линия была продолжена в трудах Д. Стюарда, Д.П. Мёрдока, отчасти М. Салинса, и их коллег, однако сам А.Л. Крёбер этой проблематикой больше не занимался. Можно сказать, что его книга закрывает последнюю страницу исследования концепции КА в США.

При этом критика А.Л. Крёбером построений К. Уисслера созвучна идеям, за десять лет до этого выдвинутому на Совещании советских этнографов: необходимость историзации концепции, неточность названия ключевого понятия, недостаточное внимание к материалистическим факторам (экологии, особенностям производства и т.д.).

В завершение нельзя не отметить одну необычную статью советского этнографа А.М. Золотарева “Древняя культура Северной Азии”, опубликованную в журнале *American Anthropologist* в 1938 г. В ней ученый обосновывает взаимосвязь и экологическую обусловленность четырех элементов культуры: гончарства, подземных жилищ, особых техник рыболовства и использования собак. Он пишет:

Культура зимних рыболовов сейчас вымерла. Пережитки встречаются особенно часто у приморских чукчей, коряков и гиляков, а отдельные следы широко распространены среди ряда других сибирских племен. Существует прямая связь между тунгусами, наиболее типичными представителями снегоступной культуры, и вымершей культурой зимних рыболовов (*Zolotarev* 1938: 22).

Далее А.М. Золотарев помещает этот особый тип культуры в историческое пространство:

В XVI–XVIII вв. побережье Охотского моря было заселено пешими тунгусами. Они не имели оленей, передвигались с помощью собак, жили в подземных жилищах, были рыбаками и охотниками на морских млекопитающих. Их язык, несомненно, был тунгусским. В них мы имеем часть тунгусского населения, сохранявшего древний образ жизни до XVIII в. Переход от древней культуры зимних рыболовов к культуре таежных охотников произошел, пожалуй, не так давно; а изобретение и распространение снегоступов (и лыж) вряд ли можно отнести к доисторическим временам (Там же: 22–23).

Перед нами детальная, эмпирическая, индуктивная разработка конкретного культурного комплекса (по В.К. Никольскому), или временного ареала (по А.Л. Крёберу), имеющего конкретную географическую и хронологическую привязку. Именно такой подход представлялся гипотетически правильным и американским антропологам, и советским этнографам. Четко продемонстрирована связь различных элементов культуры и их зависимость от экологической ниши, культура привязана к хронологической шкале, географическому пространству и даже языковой семье, т.е. к этничности. В центре внимания находится сам комплекс культурных черт, а не его пространственный или экологический аспект. Вместе с тем в работе А.М. Золотарева почти нет теоретических итогов: не введены новые понятия, которые станут ключевыми для продемонстрированного подхода, не зафиксированы его особенности.

* * *

Итоги обзора развития двух национальных ветвей этнографической науки можно свести к следующим тезисам:

1. Американская культурная антропология и советская этнография двигались по очень похожим траекториям. Проблема кризиса эволюционистских построений привела обе дисциплины к поиску пути его преодоления через привлечение географических и экологических данных.

2. Несмотря на то что многочисленные цитаты показывают, что советские авторы были хорошо знакомы с работами американских коллег, эти работы приводились не как образцы исследований, а как примеры, доказывающие верность советского направления развития науки. На мой взгляд, в проанализированных работах отечественных ученых прямых заимствований из публикаций зарубежных авторов нет. Можно согласиться с теми, кто считает, что в некоторых случаях советские ученые идут на шаг впереди американских коллег (*Октябрьская* 2020: 105). Книга К. Уисслера “Американский индеец” остается наиболее монументальным памятником эмпирического, индуктивного исследования этой проблематики и поэтому упоминается в историографии чаще других, однако она также подвергается справедливой критике.

3. В рамках исследований “культурных ареалов” и ТХА ученые обращаются к схожим проблемам: влияние окружающей среды на развитие культуры и степень этого влияния; взаимосвязанность и взаимоопосредованность ключевых черт культуры (проблема культурного комплекса, связки культурных черт); особое значение материальной культуры и техник (технологий производства в СССР) в выявлении различных областей культуры; необходимость максимальной конкретизации исследований путем привязки материалов к конкретным географическим регионам и хронологическим периодам. Все эти проблемы с различной степенью полноты анализировались К. Уисслером и А.Л. Крёбером, а также П.Ф. Преображенским, В.Г. Богоразом, С.П. Толстовым и А.М. Золотаревым.

4. Очевидно, что советская этнография и американская культурная антропология имели свои ярко выраженные особенности. Американская наука начала XX в. работала с этнографическими источниками, плохо привязанными к хронологии, вследствие этого крен в географию был намного сильнее. Как писал А.Л. Крёбер, географическая концепция “центра культурного ареала” фактически заменила историческое понятие “высшая стадия развития культуры”. С внеисторичностью источников, а также с последовательной индуктивностью исследований (как К. Уисслера, так и А.Л. Крёбера) связано и внимание к понятиям “граница”, “центр” и т.д. в работах американских ученых, в то время как их советскими коллегами эти понятия лишь упоминаются, но не прорабатываются.

Для советских этнографов историзм, напротив, был изначальным элементом рассуждений, а географизация – скорее способом ослабить исторический фактор в этнографии. Наиболее последовательно географизацией этнографии занимался В.Г. Богораз, чья книга “Основа этногеографии” представляет собой пример реализации принципа географического детерминизма. Другие ученые сосредоточили свое внимание на комплексности культуры, что выражалось в понятиях ТХА (*Преображенский* 1929: 213), культурного комплекса (*Никольский* 1923), этнической формации (Б.А. Куфтин) (*Арзютов и др.* 2014: 268–272) и этнографической формации (*Кагаров* 1928: 20). К разработке этой комплексности американские антропологи приходят лишь в конце 1930-х годов, когда А.Л. Крёбер предлагает использовать термин “диэта” (*Kroeber* 1939: 2, сн. 1).

5. Можно отметить значительную трансформацию концепций “культурных ареалов” и ХКТ/ИЭО в 1920–1930-е годы и в послевоенное время. Если с конца XIX в. до начала 1930-х годов исследование культурных ареалов представляло собой преимущественно работу с первичной этнографической информацией, то в 1930-е годы А.Л. Крёбером была предпринята попытка прочно связать культурные ареалы с влиянием окружающей среды через понятие “ареал растительности”. В послевоенные годы ученые сосредоточились на дифференцировании влияния природной среды и культуры, а также на многолинейности эволюции.

Советские ученые в 1920-е годы обсуждали проблему ТХА как альтернативу абстрактному теоретизированию, произошел перенос внимания с проблем духовной культуры на техники производства и комплексность культуры. 1930-е годы стали временем господства марксистской идеологии, когда появлялись отдельные статьи (Толстов 1932; Золотарев 1938), анализировавшие некоторые элементы будущей концепции ХКТ/ИЭО, но они не сводились в единую теорию. Лишь в 1955 г. в концепции ХКТ/ИЭО был четко описан механизм влияния фактора окружающей среды, а проблема различного характера влияния природы и культуры оказалась в центре внимания только в конце 1970-х – 1990-е годы.

Можно констатировать, что и КА, и ХКТ/ИЭО в ходе своего развития значительно трансформировались; более того, “варианты” концепций, предлагаемые разными авторами, отличались друг от друга.

Отметим, что концепции КА и ТХА/ХКТ в целом были сложными научными явлениями. Невозможно назвать одного конкретного автора каждой из концепций, как непросто выделить неизменные элементы теорий на протяжении времени их существования. В связи с этим говорить о заимствовании концепции или вторичности советских построений неправомерно, поскольку по ряду параметров отечественные ученые предлагали более проработанные и обоснованные варианты развития идей.

Примечание

¹ Речь идет об отдельном оттиске статьи: *Tylor E.B. On American Lot-Games: As Evidence of Asiatic Intercourse before the Time of Columbus.* Leiden: E.J. Brill, 1896.

Научная литература

Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979.

Алексеева Т.И., Арутюнов С.А. Максим Григорьевич Левин: ученый, учитель, человек // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 331–357.

Альмов С.С., Подрезова С.В. Этнос на карте: географическое воображение школы Ф.К. Волкова // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 85–103.

Андрианов Б.В. Неоседлое население мира. М.: Восточная литература, 1985.

Аникин Н.В., Соловей Т.Д. Интервью с доктором исторических наук, профессором Г.Е. Марковым // Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии / Отв. ред. Т.Д. Соловей. М.: Издво Московского ун-та, 2013. С. 23–31.

Анучин Д.Н. Э.Б. Тайлор // Русский антропологический журнал. 1916. № 3–4. С. 1–16.

Арзютов Д.В., Альмов С.С., Андерсон Д.Д. (ред.) От классиков к марксизму: со-

- вещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: Кунсткамера, 2014.
- Богораз-Тан В.Г.* Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М.; Л.: ГИЗ, 1928.
- Вавилов Н.И.* Центры происхождения культурных растений. Л.: б.и., 1926.
- Волков Ф.К.* Анкетные вопросы Комиссии по составлению этнографических карт России // Живая старина. 1916. № 3–4. С. 193–194.
- Зеленин Д.К.* Перспективный план работ по этнографическому изучению Центрально-Промышленной области // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. Этнологические исследования и материалы / Под ред. В.В. Богданова, С.П. Толстова. М.: тип. ПТО МОНО при 1-м Моск. ин-те глухонемых, 1929. С. 23–27.
- Кагаров Е.Г.* Пределы этнографии // Этнография. 1928. № 1. С. 11–21.
- Левин М.Г.* О происхождении и типах упряжного собаководства // Советская этнография. 1946. № 4. С. 75–108.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
- Николаев В.Г.* Антропология Альфреда Кребера: основные штрихи // *Кребер А.Л.* Избранное. Природа культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 933–975.
- Никольский В.К.* Комплексный метод в доистории // Вестник Социалистической Академии. 1923. № 4. С. 309–349.
- Октябрьская И.В.* Ареальные исследования в российской этнографии: традиции и современное состояние // Вестник Томского государственного университета. Серия, История. 2020. № 68. С. 101–108.
- Преображенский П.Ф.* Этнография // Общественные науки СССР. 1917–1927. М.: Работник просвещения, 1928. С. 77–89.
- Преображенский П.Ф.* Курс этнологии. М.; Л.: Госиздат, 1929.
- Решетов А.М.* Николай Николаевич Чебоксаров: портрет ученого в контексте его времени // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 358–396.
- Соколовский С.В.* Зеркала и отражения, или еще раз о ситуации в российской антропологии // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 143–186.
- Соловей Т.Д.* “Коренной перелом” в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 101–121.
- Толстов С.П.* Очерки первоначального ислама // Советская этнография. 1932. № 2. С. 24–82.
- Туторский А.В.* Хозяйственно-культурные типы в исследованиях Г.Е. Маркова // Жить в эпоху перемен: судьба ученого и траектории науки. К столетию со дня рождения профессора Геннадия Евгеньевича Маркова / Под ред. М.Н. Бахматовой, О.Е. Казминой, Т.Д. Соловей. СПб.: Алетейя, 2023. С. 179–196.
- Ямсков А.Н.* Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара “Культурный ландшафт” / Отв. ред. В.Н. Калущков, Т.М. Красовская, А.Н. Ямсков. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 62–77.
- Ямсков А.Н.* Концепции хозяйственно-культурных типов и историко-культур-

ных областей – вклад советской этнографии в культурно-географическое районирование // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 47–74.

- Kroeber A.L.* Types of Indian Culture in California // University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. 1904. Vol. II. С. 81–103.
- Kroeber A.L.* The Culture-Area and Age-Area Concepts of Clark Wissler // Methods in Social Science / Ed. A.R. Stuart. Chicago: University of Chicago Press, 1931. P. 248–265.
- Kroeber A.L.* Cultural and Natural Areas of Native North America. Berkeley: University of California Press, 1939.
- Lowie R.H.* Review of: Vavilov N. Studies on the Origin of Cultivated Plants. Leningrad, 1926 // American Anthropologist. 1928. No. 4 (30). P. 716–719.
- Murdock G.P.* South American Culture Areas // Southwestern Journal of Anthropology. 1951. No. 4 (7). P. 415–436.
- Steward J.H.* Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Chicago: University of Illinois Press, 1972.
- Wissler C.* Ethnic Types and Isolation // Science. 1906. Vol. 23. No. 578. P. 147–149.
- Wissler C.* American Indian: An Introduction to the Anthropology of the New World. N.Y.: Douglas C. McMurtrie, 1917.
- Wissler C.* Man and Culture. N.Y.: Thomas Y. Crowell Co., 1923.
- Wissler C.* The Relation of Nature to Man in Aboriginal America. N.Y.: Oxford University Press, 1926.
- Wissler C.* The Culture-Area Concept in Social Anthropology // American Journal of Sociology. 1927. T. 32. No. 6. P. 881–891.
- Zolotarev A.* The Ancient Culture of North Asia // American Anthropologist. 1938. Vol. 40. No. 1. P. 13–23.

Research Article

Tutorskiy, A.V. Parallels between the Development of the Culture-Area Concept and “Economic and Technical Areas” in the 1920s–1930s [Paralleli v razvitii kontseptsii “kul’turnykh arealov” i “khoziaistvenno-tekhnicheskikh arealov” v 1920–1930-e gody]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 2, pp. 25–45. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020025> EDN: CLMAKE ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Andrey Tutorskiy | <http://orcid.org/0000-0003-4651-4667> | tutorski@hist.msu.ru | Lomonosov Moscow State University (GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia) | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

culture areas, economic and cultural types, ethnoecology, culture and environment, history of anthropology

Abstract

The article examines the development of the “culture area” concept in American cultural anthropology and that of “economic-cultural type” in Soviet ethnography in the 1920s–1930s. Three stages of development of the concepts have been outlined: 1) the 1890s–1910s, during which the concepts of areal/territorial studies received their initial design; the masterpiece of the period was “The American Indian” by C. Wissler (1917); 2) the 1920s, when the concepts were theoretically substantiated; 3) the 1930s, when discussion of the topic ceased in the USSR, while in the USA the concept of culture area was criticized by A. Kroeber for the lack of historicism. The article highlights the features of each

national school: historicism in the USSR and consistent empiricism in the USA. It is also indicated that a number of provisions of the ECT/CA concepts in the pre-war period did not receive sufficient coverage: the relationship between environmental and cultural factors.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 22-18-00241]

References

- Alexeeva, T.I., and S.A. Arutyunov. 2004. Maksim Grigor'evich Levin: uchenyi, uchitel', chelovek [Maxim Grigorievich Levin: Scientist, Teacher, Person]. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century], edited by V.A. Tishkov and D.D. Tumarkin, 331–357. Moscow: Nauka.
- Alymov, S.S., and S.V. Podrezova. 2017. Etnos na karte: geograficheskoe voobrazhenie shkoly F.K. Volkova [Mapping Ethnos: Geographical Imaginations of F.K. Volkov and His Students]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 85–103.
- Andrianov, B.V. 1985. *Neosedloe naselenie mira* [The Unsettled Population of the World]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Anikin, N.V. and T.D. Solovei. 2013. Interv'iu s doktorom istoricheskikh nauk, profesorom G.E. Markovym [Interview of Gennadiy Markov]. In *Problemno-tematicheskoe prostranstvo i teoreticheskie granitsy sovremennoi etnologii* [Problem-Thematic Space and Theoretical Boundaries of Modern Ethnology], edited by T.D. Solovei, 23–31. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet.
- Anuchin, D.N. 1916. E.B. Tylor. *Russkii antropologicheskii zhurnal* 3–4: 1–16.
- Arziutov, D.V., S.S. Alymov, and D.G. Anderson, eds. 2014. *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.)* [From Classics to Marxism: The Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad (5–11 April 1929)]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Averkieva, Y.P. 1979. *Istoriia teoreticheskoi mysli v amerikanskoj etnografii* [History of Theoretical Thought in American Ethnography]. Moscow: Nauka.
- Bogoraz-Tan, V.G. 1928. *Rasprostranenie kul'tury na Zemle. Osnovy etnogeografii* [Spread of Culture on Earth: Fundamentals of Ethnogeography]. Moscow; Leningrad: GIZ.
- Kagarov, E.G. 1928. Predely etnografii [Limits of Ethnography]. *Etnografiia* 1: 11–21.
- Kroeber, A.L. 1904. Types of Indian Culture in California. *University of California Publications in American Archaeology and Ethnology* 2: 81–103.
- Kroeber, A.L. 1931. The Culture-Area and Age-Area Concepts of Clark Wissler. In *Methods in Social Science*, edited by S.A. Stuart, 248–265. Chicago: University of Chicago Press.
- Kroeber, A.L. 1939. *Cultural and Natural Areas of Native North America*. Berkeley: University of California Press.
- Levin, M.G. 1946. O proiskhozhdenii i tipakh upriazhnogo sobakovodstva [On the Origin and Types of the Draft Dog Breeding]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 75–108.
- Levin, M.G., and N.N. Cheboksarov. 1955. Khoziaistvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti [Economic-Cultural Types and Historical-Ethnographic Regions]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 3–17.
- Lowie, R.H. 1928. Review of *Studies on the Origin of Cultivated Plants*, by N. Vavilov. *American Anthropologist* 4 (30): 716–719.

- Murdock, G.P. 1951. South American Culture Areas. *Southwestern Journal of Anthropology* 7 (4): 415–436.
- Nikolaev, V.G. 2004. Antropologiya Al'freda Krebera: osnovnye shtriki [Anthropology of Alfred Kroeber: Basic Touches]. In *Izbrannoe. Priroda kul'tury* [Selected Works: The Nature of Culture], by A.L. Kreber, 933–975. Moscow: ROSSPEN.
- Nikolskii, V.K. 1923. Kompleksnyi metod v doistorii [Complex Method in Prehistory]. *Vestnik Sotsialisticheskoi Akademii* 4: 309–349.
- Oktiabrskaiia, I.V. 2020. Areal'nye issledovaniia v rossiiskoi etnografii: traditsii i sovremennoe sostoianie [Areal Research in Russian Ethnography: Traditions and Current State]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya, Istorii* 68: 101–108.
- Preobrazhenskii, P.F. 1928. Etnografiia [Ethnography]. In *Obshchestvennye nauki SSSR. 1917–1927* [Social Sciences of the USSR: 1917–1927], edited by V.P. Volgin, G.O. Gordon, and I.K. Luppel, 77–89. Moscow: Rabotnik prosveshcheniia.
- Preobrazhenskii, P.F. 1929. *Kurs etnologii* [Ethnology Course]. Moscow; Leningrad: GIZ.
- Reshetov, A.M. 2004. Nikolai Nikolaevich Cheboksarov: portret uchenogo v kontekste ego vremeni [Nikolai Nikolaevich Cheboksarov: Portrait of a Scientist in the Context of His Time]. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century], edited by V.A. Tishkov and D.D. Tumarkin, 358–396. Moscow: Nauka.
- Sokolovskiy, S.V. 2014. Zerkala i otrazheniia, ili eshche raz o situatsii v rossiiskoi antropologii [Mirrors and Reflections, or Once More on Situation in Russian Anthropology]. *Antropologicheskii forum* 1: 143–188.
- Solovei, T.D. 2001. “Korennoi perelom” v otechestvennoi etnografii [“Great Break” in Russian Ethnography]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 101–121.
- Steward, J.H. 1972. *Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution*. Chicago: University of Illinois Press.
- Tolstov, S.P. 1932. Ocherki pervonachal'nogo islama [Essays on the Original Islam]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 24–82.
- Tutorskiy, A.V. 2023. Khoziaistvenno-kul'turnye tipy v issledovaniiah G.E. Markova [Economic and Cultural Types in the Studies of G.E. Markova]. In *Zhit' v epokhu peremen: sud'ba uchenogo i traektorii nauki. K stoletiiu so dnia rozhdeniia professora Gennadiia Evgen'evicha Markova* [To Live in an Era of Change: The Fate of a Scientist and the Trajectory of Science: To the Centenary of Professor Gennady Evgenievich Markov], edited by M.N. Bakhmatova, O.E. Kazmina, and T.D. Solovei, 179–196. St. Petersburg: Aleteiia.
- Vavilov, N.I. 1926. *Tsentry proiskhozhdeniia kul'turnykh rastenii* [Centres of Origin of Cultivated Plants]. Leningrad.
- Volkov, F.K. 1914. Anketnye voprosy Komissii po sostavleniiu etnograficheskikh kart Rossii, sostoiashechi pri Otdelenii etnografii IRGO [Questionnaires of the Commission for the Ethnographic Map of Russia]. *Zhivaia starina* 1–2: 193–194.
- Wissler, C. 1906. Ethnic Types and Isolation. *Science* 578: 147–149.
- Wissler, C. 1917. *American Indian: An Introduction to the Anthropology of the New World*. New York: Douglas C. McMurtrie.
- Wissler, C. 1923. *Man and Culture*. New York: Thomas Y. Crowell Co.
- Wissler, C. 1926. *The Relation of Nature to Man in Aboriginal America*. New York: Oxford University Press.

- Wissler, C. 1927. The Culture-Area Concept in Social Anthropology. *American Journal of Sociology* 6 (32): 881–891.
- Yamskov, A.N. 2003. Etnoekologicheskie issledovaniia kul'tury i kontseptsia kul'turnogo landshafta [Ethnoecological Studies of Culture and the Concept of Cultural Landscape]. In *Kul'turnyi landshaft: teoreticheskie i regional'nye issledovaniia* [Cultural Landscape: Theoretical and Regional Studies], edited by V.N. Kalutskov, T.M. Krasovskaia, and A.N. Yamskov, 62–77. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Yamskov, A.N. 2023. Kontseptsii khoziaistvenno-kul'turnykh tipov i istoriko-kul'turnykh oblastei – vklad sovetskoi etnografii v kul'turno-geograficheskoe raionirovanie [Concepts of Economic and Cultural Types and Historical and Cultural Areas: Contribution of Soviet Ethnography to Cultural-Geographical Regionalisation]. *Geograficheskaiia sreda i zhivye sistemy* 2: 47–74.
- Zelenin, D.K. 1929. Perspektivnyi plan rabot po etnograficheskomu izucheniiu Tsentral'no-Promyshlennoi oblasti [Long-Term Work Plan for the Ethnographic Study of the Central Industrial Region]. In *Kul'tura i byt naseleniia Tsentral'no-Promyshlennoi oblasti. Etnologicheskie issledovaniia i materialy* [Culture and Everyday Life of the Central Industrial Region Population: Ethnological Researches and Materials], edited by V.V. Bogdanov and S.P. Tolstov, 23–27. Moscow: tipografia PTO MONO pri 1 Moskovskom institute glukhonemykh.
- Zolotarev, A. 1938. The Ancient Culture of North Asia. *American Anthropologist* 1 (40): 13–23.